

Тайны Договорного Омана

Л. МЕДВЕДКО

НЕФТЬ И КОНТРАБАНДА

НЕФТЯНОЙ бизнес наложил неизгладимый отпечаток на весь район Персидского залива, и все же было бы преувеличением сказать, что здесь нет «экзотики». Ее более чем достаточно и в наши дни в княжестве Дибай, которое нередко называют морскими воротами Договорного Омана, его столицей. Главный город княжества сравнивают с Гонконгом. Трудно, кажется, назвать разновидность товара, которым бы не торговали в Дибаве, начиная от золотых изделий и героина до белых рабынь, поставляемых отсюда в другие части Аравийского полуострова.

— Есть ли у нас нефть или нет, не имеет для нас никакого значения! — заявил правитель Дибая шейх Рашид бен Саид аль-Мактум. — Мы торговцы и опираемся на торговлю, с которой связаны все наши успехи. Именно торговля, а не нефть!

В Дибаве существует режим наибольшего благоприятствования торговле для арабских и иностранных купцов. Торговля — основное занятие жителей княжества, ежегодно импортирующего товаров на сумму по крайней мере в 18 миллионов фунтов стерлингов.

Этому способствует географическое положение эмирата, простирающегося на 70 с лишним километров вдоль побережья Персидского залива. Около половины населения эмирата составляют арабы, большей частью — выходцы из соседних княжеств Шарджи и Аджмана. Остальные жители Дибая — переселенцы из Ирана, Индии, Пакистана. Многие из них осели здесь уже давно, другие — лишь в последние годы.

Княжество располагает большим флотом, насчитывающим свыше 400 судов, совершающих далекие плавания к африканским, индийским, цейлонским, малазийским берегам. На местной верфи строятся суда водоизмещением в 100—300 тонн, в том числе моторные. Сейчас гавань расширяется, число причалов для глубоководных судов увеличивается с четырех до пятнадцати, что еще больше повысит значение Дибая как крупнейшего торгового центра не только Договорного Омана, но и всего Персидского залива.

Торговые суда непрерывно курсируют между ближними и дальними портами, импортируя в Дибай различные товары широкого потребления и доставляя за рубеж контрабанду всех видов. Многие жители княжества, не говоря уже о крупных оптовиках-коммерсантах, так или иначе участвуют в контрабандных операциях по ввозу и вывозу золота, наркотиков, драгоценностей, причем этим ремеслом занимаются почти легально, не принимая особых мер предосторожности.

В роскошных отелях, выстроенных в послевоенные годы в Дибаве, контрабандистам принадлежат целые флигели. В порту каждый день бросают якорь десятки судов с ценными грузами, преимущественно с золотом и наркотиками. Купцы или их агенты моментально забирают эти грузы, опережая таможенников, и доставляют в свои хранилища. Затем наркотики распределяются среди опытных контрабандистов, которые переправляют их в другие страны, особенно в Саудовскую Аравию, где они продаются по фантастическим ценам. В Дибаве уже несколько лет назад насчитывалось около 600 миллионов!

В немалой степени этому содействуют англичане, которые, разумеется, в первую очередь наживаются сами. Так, одна из английских фирм — «Гарри Маккензи» — монополизировала доставку и продажу виски во всем районе Персидского залива. Британские власти, якобы из «уважения к исламу», не выдают мусульманам лицензии на право продажи спиртных напитков. Английские коммерсанты берут эту миссию на себя, продают виски и пиво переселенцам, а те перепродают их на «черном рынке» по еще более высокому цену. Говорят, что прибыли англичан и их контрагентов достигают 300 процентов.

Показателен, например, такой факт. Работы по расширению Порт-Рашида ведутся английской компанией «Костейн сивил энджиниринг». Родственник правителя, шейх Махди ат-Таджир, занимающий пост директора (министра) по делам финансов и нефти, вел переговоры с этой компанией. Еще до того как переговоры были завершены, он купил себе второй дом в Англии, уплатив за него круглую сумму в 150 тысяч фунтов стерлингов. Представители местной знати получают неплохие доходы в результате деловых связей и с другими английскими и американскими компаниями.

Но первым богачом является, конечно, сам правитель Дибая. Он присваивает себе все таможенные

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 8 за 1969 год.

пошлины, налагаемые на импортируемые товары в размере не менее пяти процентов их стоимости. В его пользу идут многочисленные и разнообразные налоги, выплачиваемые населением, даже выручка от продажи почтовых марок. Не случайно шейх Рашид бен Саид аль-Мактум открывает свой дворец лишь в случае приезда визитеров, а делами предпочитает заниматься непосредственно в помещении таможи, где лично контролирует все торговые операции княжества. Солидную прибыль приносит ему также снабжение населения электроэнергией и водой. Крупные суммы отчисляются контрабандистами, которые потом компенсируют их с лихвой.

В Дибаете любят говорить, что здесь изменилось все, кроме правителя, который, восседая в таможене, так же невозмутимо курит свой деревянный кальян и хранит табак в бутылочке из-под лекарства. Действительно, последние годы внесли немалые перемены в жизнь княжества и его столицы. Это связывают с «ночью предопределения», как называли ночь на 6 июня 1966 года в канун праздника рамадана, когда в прибрежной полосе Дибая забил первый нефтяной фонтан. В районе Персидского залива появилось новое нефтяное княжество.

ДИБАЙ СЕГОДНЯ

Добыча нефти в Дибаете пока еще не идет ни в какое сравнение с нефтепромыслами Абу-Даби, и все же она составляет не менее 30 тысяч баррелей в сутки. Еще более важно то, что несколько иностранных компаний, получивших концессии от шейха Рашида бен Саида аль-Мактума, ведут энергичную разведку нефти на суше и в прибрежных водах. Эти компании вносят правителю княжества значительные суммы, присылают сюда своих инженеров и техников, используют новейшее буровое оборудование и, судя по всему, уже теперь оккупируют свои территории.

На суше разведку нефти ведут «Дибай петролеум компани» (принадлежащая «Континентл ойл компани»), «Сан ойл компани» и «Дойчес эрдоль». В прибрежных водах — «Дибай марин эреаз», принадлежащая той же «Континентл ойл компани», «Бритиш петролеум», «Компани франсез де петроль» и еще двум иностранным монополистическим объединениям. Таким образом, здесь конкурируют английский, американский, западногерманский и французский капитал. Об их перспективных планах свидетельствует тот факт, что у побережья Дибая строится крупнейшее подводное нефтехранилище.

Открытие и добыча нефти отразились и на этом эмирате. Недаром именно в Дибаете родилась поговорка о том, что счастлив тот, кто владеет землей «до нефтяного» времени. Стоимость всех земельных участков, раньше весьма дешевая, после обнаружения нефти резко подскочила и продолжает расти. В связи с наплывом западных дельцов в столице княжества выросли многоэтажные дома и комфортабельные отели с кондиционированным воздухом, бассейнами для плавания и другими атрибутами роскоши. Прокладываются широкие улицы для двустороннего движения автотранспорта.

Столица княжества разделена заливом на две части — собственно Дибай и Дейру. Переезд происходил на многочисленных паромках, и так было до тех пор, пока не построили металлический мост, строительство которого обошлось в три миллиона рупий. Его соорудили в пустынном районе, который вскоре же стал застраиваться жилищами и некоторыми предприятиями. Намечено, что здесь будет создан новый город — «нефтяной» Дибай. Пла-

нируется также проводка телефонной сети и подача воды непосредственно в дома. Для Договорного Омана это нечто небывалое; но следует учесть, что еще до открытия нефти Дибай считался самым богатым княжеством.

Уже теперь часть столицы, известная под названием Дейра, по существу, представляет собой новый город. Здесь находятся рынки, деловые кварталы с современными зданиями, полицейское управление. Число жителей района за несколько последних лет возросло вдвое. В Дейре размещаются и филиалы действующих в княжестве иностранных нефтяных компаний и коммерческих фирм, имеющих большие возможности для сбыта товаров своего производства.

Особенно велики они у английских компаний. Этому способствует удобство воздушного сообщения. Реактивные лайнеры преодолевают авиатрассу Лондон — Бейрут — Дибай — Бомбей за 10 часов. Один арабский журналист, посетивший княжество, рассказывал, что, приближаясь к Дибаету, пассажиры невольно задумывались о надежности аэродрома, но он оказался вполне современным и приспособленным для посадки тяжелых самолетов. Его построили по инициативе британских властей, желавших, чтобы аэродром в близлежащем султанате Шарджа использовался только в военных целях.

Сооружение гражданского аэродрома в Дибаете было поручено правителю княжества. По проекту стоимость строительства должна была составить около двух миллионов фунтов стерлингов, фактически же аэродром, находящийся в семи километрах к юго-востоку от столицы эмирата, обошелся дороже. Эта отлично оборудованная посадочная площадка служит для англичан одновременно и резервной военно-воздушной базой. Сейчас английская компания «Костейн свирл энджиниринг» ведет в Дибаете строительство аэропорта, способного принимать крупные современные самолеты.

В Дибаете нет сельского хозяйства, главным образом из-за отсутствия пригодной земли и воды. Из растительности можно увидеть почти исключительно финиковые пальмы, да и то земля для этих посадок привозится из султаната Рас-эль-Хайма. Мешают озеленению и климатические условия: температура колеблется от плюс 48 градусов в июле и до 32 градусов в январе. Поэтому столица, в которой живет больше половины населения княжества, импортирует овощи и вообще продукты питания из-за границы.

Многие товары привозят на самолетах из европейских стран, а также из Кении. В Дибаете есть магазины, которые располагают большими холодильниками. Караваны верблюдов доставляют сюда из других областей Договорного Омана лимоны, финики, бананы, плоды мангового дерева, живых кур. Овощи и фрукты экспортируются из султаната Рас-эль-Хайма, а когда там заканчивается сезон, — из Ливана. Труднее обстоит дело с пресной водой, которая подается в столицу по трубопроводу длиной в 20 с лишним километров из скважины, находящейся в районе Эль-Авир.

...При подъезде к столице издали виднеется построенная в стиле модерн железобетонная башня с огромными часами наверху. Их бой каждые 60 минут слышен на расстоянии в четверть мили. Утверждают, что башня обошлась в 25 тысяч фунтов стерлингов, а стоимость часов — 500 фунтов стерлингов. Вокруг разбит небольшой парк, струи воды взлетают в воздух из окружающих башню фонтанов. Часы, надо полагать, по замыслу строителей, призваны отсчитывать новое время старого княжества Дибай.

НИЦЕТА КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Но вторжение буржуазной цивилизации не принесло облегчения коренным жителям эмирата, трудному арабскому населению. Стоит лишь свернуть в сторону от главных улиц старого города, чтобы увидеть полуразрушенные хижины, жалкие лачуги. Они еще и сегодня занимают значительную часть столицы. Под их крышами из пальмовых ветвей и понине происходят подлинные трагедии бедняков, терзаемых нуждой и болезнями.

Анемия, авитаминоз, туберкулез, брюшной тиф, кожные и венерические заболевания распространены здесь особенно широко. Их связывают с притоком переселенцев из других стран, многие из которых проникают в Дибай тайком. Определенная часть иммигрантов покупает паспорта. Стоимость их колеблется от 500 до 1000 рупий. Таким образом переселенцы получают местное гражданство.

Положение женщин в Дибаве за послевоенные годы не изменилось. Как и раньше, они могут выходить из дому только под черной вуалью, закрывающей лицо. В кинотеатре отведены для женщин особые места, они могут пройти туда лишь через специальный вход. В последнее время вырос размер и без того высокого калыма за девушку. Это затрудняет браки среди молодежи, которые практически невозможны без серьезной материальной помощи родителей и родственников.

Говорят, что расходы на женитьбу превышают 15 тысяч рупий — а это довольно большая сумма для юноши, окончившего одну из многочисленных в Дибаве школ и зарабатывающего от силы 400—500 рупий в месяц. Зачастую молодой человек вправе увидеть свою невесту лишь после свадьбы, а до того с нею общаются только его мать или тетки. В последние годы в школах обучаются и девушки, но преимущественно из неарабских семей.

Представители коренного арабского населения с нескрываемой горечью говорят о том, что в результате политики британских властей их права ущемляются. В ряде учреждений не работает ни один араб. Большую роль в Дибаве играют различные землячества переселенцев и клубы иностранцев. В некоторых из них плетутся заговоры против арабов, борющихся за свержение векового британского колониального гнета.

В соседнем княжестве Аджман недавно был обнаружен при поликлинике тайный склад оружия, который, как потом выяснилось, принадлежал британскому консульству. Из таких складов, по рассказам, оружие переправляется в Дибай и доставляется в клубы переселенцев. Если учесть, что многие из них являются английскими агентами, то становится понятно, что раздаваемое им оружие предназначено прежде всего для подавления сопротивления арабов колонизаторам.

Некоторые медицинские школы и учреждения, в сущности, представляют собой центры английского шпионажа. Так, в одной из школ для переселенцев преподаются основы диверсионного дела, отдельные учителя связаны с британской разведкой.

...Правителю Дибай принадлежит изречение: «Мы остаемся маленьким народом, живущим большой семьей». Но в этой семье, как видно, есть свои пасынки; к ним относится беднейшая часть населения, состоящая из коренных жителей этого арабского княжества.

(Окончание следует)

ПИТЕР АБРАХАМС

ЮАР

Я ЦВЕТНОЙ

- Тетя Лиззи! Кто я такой?
— Почему ты это спросил?
— Я встретил мальчика у реки.
Он черный, зулус. А кто же я?
Тетя смеется: — А ты — цветной.
Есть три сорта людей.
Первый сорт — белые,
второй — цветные,
третий — черные.
— Почему?
— Потому что так было и есть.

Назавтра я встретил Джозефа, стукнул себя в грудь и сказал: — Я — цветной. Он захопал в ладоши и засмеялся. Мы были неразлучны все лето. Я учил его говорить на африкаанс. Он учил меня говорить на зулу. Времени нам не хватало: мы купались в реке, ныряли на дно, учились драться на палках, делать шляпы из прутьев и листьев, ловить лягушек руками, подражать голосам птиц. Было солнце, и густая трава, и мягкая глина, и мелкий песок. И когда небо делалось черным от саранчи, мы собирали ее и ели. Была еда — целые горсти хрустящей жареной саранчи, был голос ветра, был голос неба, и наши смеющиеся голоса сливались с небом и ветром.

Джозеф рассказывал о черных¹ королях, которые были в его стране до прихода белых людей.

Дома я сказал: — Тетя Лиззи! У нас были цветные короли?
— Нет.
— От кого же мы приходим?
Джозеф — от черного короля, белые — от белых королей.
А мы — откуда?
Она засмеялась, взъерошила волосы мне и сказала:
— Ты много болтаешь.
Поди умойся.

Перевел
Михаил Курганцев